

ОЛЬГА МУРАВЬЕВА

«ВРАЖДЫ БЕССМЫСЛЕННОЙ ПОЗОР...»

Ода «Клеветникам России» в оценках современников

Польское восстание 1830 — 1831 годов, хотя оно и именовалось в русской прессе мятежом, организованным отдельными «злонамеренными» людьми, явилось взрывом общенациональной борьбы за возрождение независимого польского государства. Подавление восстания русской армией носило характер полномасштабной военной кампании, и все эти долгие месяцы (с конца ноября 1830 до конца августа 1831 года) события в Польше были предметом напряженных размышлений и душевных терзаний мыслящей части русского общества. Разброс мнений и оценок оказался здесь очень велик, но из-за отсутствия возможности свободного выражения и формирования общественного мнения они не кристаллизовались в ясно обозначенные и открыто заявленные позиции. Толчком к подобной кристаллизации стала брошюра «На взятие Варшавы», вышедшая в свет 11 — 13 сентября 1831 года. Она включала в себя стихотворение Жуковского «Старая песня на новый лад» и два стихотворения Пушкина: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Оба поэта полностью поддержали действия русского правительства, а Пушкин к тому же гневно обрушился на его западноевропейских критиков. Отношение к этим произведениям четко проявило позиции и взгляды и разделило на «своих» и «чужих» старых друзей и добрых знакомых.

П. А. Вяземский 15 сентября 1831 года записал в дневнике: «Как ни говори, а стихи Жуковского — вопрос жизни и смерти между нами. Для меня они такая пакость, что я предпочел бы им смерть»¹. Д. Ф. Фикельмон — П. А. Вяземскому 13 октября 1831 года: «Если бы Вы были для меня чужим, безразличным, если бы я не имела к Вам тени дружбы, дорогой князь, все это исчезло бы с тех пор, как я прочла Ваше письмо к мамá, по поводу стихов Пушкина на взятие Варшавы»². П. Я. Чаадаев — Пушкину 18 сентября 1831 года: «Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание. <...> Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. <...> Не все здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят — а мы пойдем вперед»³. Н. А. Мельгунов — С. П. Шевыреву 21 декабря 1831 года: «Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши. Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту»⁴. Уже через год, 2 октября 1832 года, Александр Тургенев в письме брату Николаю вспоминал об ожесточенных спорах между Пушкиным и Вяземским, свидетелем которых он был, когда они, горячась, обвиняли друг друга, а он «страдал за обоих». И продолжая старый разговор, он соглашался с братом: «Твое заключение о Пушкине справедливо: в нем точно есть еще варварство»⁵.

¹ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб. 1884, т. IX, стр. 157 — 158.

² «Литературное наследство». М. 1952, т. 58, стр. 106.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М. — Л. АН СССР. 1937 — 1949, т. XIV, стр. 228, 439, 440. В дальнейшем все цитаты из Пушкина и писем к нему даются по этому изданию.

⁴ Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. М. 1903, т. 2, стр. 167 — 168.

⁵ Истрин В. М., «Из документов архива братьев Тургеневых» («Журнал министерства народного просвещения», 1913, март, ч. XLIV, стр. 18).

Говоря о спорах и разногласиях внутри русского общества, необходимо учитывать, что в них неизменно присутствует еще один незримый оппонент или союзник — Запад, Европа. Стихотворения Пушкина о польском восстании очень характерны в этом отношении. С одной стороны, Пушкин в них обращается именно к европейским политикам и журналистам, а не к своим соотечественникам, исповедующим те же взгляды. С другой стороны, стихотворения, формально адресованные французским депутатам, реально предназначались все-таки русской аудитории прежде всего. Этим, возможно, объясняется и несколько невнятный эпизод с публикацией стихотворений за границей, вызвавший обидную реплику Вяземского: Пушкин «кажет им шиш из кармана». (Известно, что Пушкин как будто собирался довести своих отповедь до сведения французских парламентариев и искал с этой целью переводчика. Но неясно, что мешало ему самому перевести свои стихотворения на французский язык и переслать их в Париж.)

В спорах вокруг событий в Польше позиция Европы приобретала особенное значение, ибо была выражена в высшей степени резко и определенно. Польская пропаганда делала акцент на политических идеалах повстанцев. В воззваниях, которые поляки распространяли в Европе, говорилось, что они подняли оружие не против своих русских братьев, не против великого русского народа, но против царской тирании. На их знаменах было начертано: «За вашу и нашу свободу», тем самым подчеркивалось, что они в равной мере отстаивают интересы как польского, так и русского народа. Европейское общественное мнение целиком приняло польскую версию событий. Расценивая восстание как национально-освободительную войну цивилизованного народа против деспотического, отжившего режима российской самодержавия, Европа однозначно встала на сторону Польши, которой приписывалась роль крепости, охраняющей западную цивилизацию от русского варварства. Политики, журналисты и поэты были едины в своем горячем сочувствии Польше и во враждебности к России. В этой обстановке стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» звучали вызовом общественному мнению Европы. Впрочем, Пушкина это ничуть не смущало.

Мотивы, которыми руководствовался Пушкин в своем отношении к польскому восстанию, известны: он был убежден, что существование Польши как суверенного государства противоречит интересам России. Важно и то, что в это время Пушкин уже резко отрицательно относился к революциям и мятежам вообще, а холерные бунты 1830 — 1831 годов с их необыкновенной жестокостью лишний раз убедили его в крайней опасности стихийного народного возмущения. Можно привести большое количество цитат из его писем и заметок, доказывающих последовательность и неизменность позиций, заявленных в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Но и все эти факты выглядят недостаточными для того, чтобы раскрыть ту общественно-политическую и нравственную коллизию, которая сделала возможным появление этих стихотворений. В сентябре 1831 года Вяземский пишет в своем дневнике о «лживой атмосфере» российской жизни: «Как пьяному мужику жид нашептывал, сколько он пропил, так и в той атмосфере невидимые силы нашептывают мысли, суждения, вдохновения, чувства. Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича»⁶.

Попытаемся описать эту атмосферу, лживую или нет, но и в самом деле определявшую те взгляды и настроения, которые нашли выражение в стихотворениях Пушкина и Жуковского о польском восстании. Выделим ряд моментов, несущественных для Европы, но имевших огромное значение для русских независимо от их политических взглядов.

В манифесте польского сейма от 20 декабря 1830 года ставилось целью восстановление Польши в границах 1772 года, то есть с белорусскими, литовскими и украинскими землями, включая Киев. В этом вопросе поляки не шли ни на какие компромиссы и не отступили от своего ультиматума даже тогда, когда русские войска уже окружили Варшаву и готовились к штурму. Беспрецедентное требование Польши о добровольной передаче ей огромных территорий особенно не занимало западную прессу, но в России, естественно, выдвигалось на первый план. Права России на спорные территории были, во всяком случае, не меньшими, чем у Польши, и даже тех, кто искренне сочувствовал полякам, территориальный вопрос решительно ставил в тупик.

⁶ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 158.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, опять-таки «не замеченное» в Европе, что поляки сами сразу отвергли путь мирных переговоров, начав с вооруженного нападения на Бельведер, в результате которого погибли русские генералы и офицеры. Эта жестокость и агрессивность казались особенно возмутительными на фоне сдержанного и миролюбивого поведения русского наместника великого князя Константина и первоначальных попыток Николая I избежать военного конфликта.

Русско-польские отношения имели длинную историю, отягощенную многочисленными конфликтами и войнами. Память об этом, о былых обидах и примирениях, поражениях и победах создавала особый фон, на котором последние события воспринимались как продолжение «старинного спора», «наследственной распри», суть которой непонятна сторонним наблюдателям («Оставьте нас: вы не читали / Сии кровавые скрижали»). Особое место в «распре» занимали события сравнительно недавнего времени. В войне 1812 года польские войска выступали в составе армий Наполеона, и после его поражения судьбу Польши решали державы-победительницы. Тогда именно Россия, преодолев сопротивление западных партнеров, добились сохранения территориальной целостности Польши, а включив ее в состав империи, предоставила Польше необыкновенные преимущества в виде конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати. В свете этих фактов восстание Польши против России, ее союз с западными державами, да еще в роли защитницы Европы от России, воспринимались русскими как вопиющая неблагодарность и предательство. Правда, не принималось во внимание, что всеми благодеяниями поляки обязаны были только покойному императору Александру I, а никак не русскому обществу в целом, которое встретило польские инициативы царя с дружным недоброжелательством. Это обстоятельство и спустя пятнадцать лет оказывало влияние на отношение к событиям в Польше, придавая ему оттенок злорадного торжества, которого не избежал и Пушкин: «Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется...»⁷

Сушественное воздействие на интерпретацию польских событий оказывали и популярные в русском обществе идеи общеславянского единства. Подобный взгляд присутствовал и в рассуждениях Пушкина, который применял к польским событиям такие понятия, как «дело семейственное», «спор славян между собою», и связывал судьбу Польши с общей судьбой славянства: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? вот вопрос». Вера в то, что союз славянских народов под эгидой России может быть выгодным и благотворным для всех, имела определенные основания и, очевидно, исполдовалась вполне искренне; но при этом русские словно не замечали, что один из членов «семьи» явно тяготеет к родственными объятиями...

Итак, мы видим, что специфически российское понимание польских событий не просто отличалось от европейского, но практически ни в чем с ним не совпадало. В России был совершенно неактуален основной вопрос, волнующий Европу: борьба поляков против самодержавного имперского режима за национальную независимость и демократию. Европейцы, в свою очередь, были абсолютно равнодушны ко всем подробностям «семейной вражды», столь значимым для русских. Эта взаимная глухота для европейцев была лишним доказательством русского варварства, а для русских — доказательством европейского высокомерия и ненависти к России.

Мнение, что Европа в принципе не понимает, недооценивает, даже ненавидит и презирает Россию, было достаточно распространенным. «...Ненавидите вы нас», — жестко утверждал Пушкин в оде «Клеветникам России». «За что *возрождающейся Европе* любить нас?» — горько вопрошал Вяземский⁸. Это явление может быть достаточно глубоко проанализировано лишь в контексте глобальной темы «Россия и Запад». Здесь же отметим только те моменты, которые имеют непосредственное отношение к нашему сюжету.

Постоянный источник напряжения создавало известное историческое отставание России от Европы в политическом и культурном отношении. Этим был предопределен и трагический раскол русского общества на славянофилов и западников, и тот психологический дискомфорт, который сделался отличительной чертой русской интеллигенции. Люди, воспитанные в системе ценностей европейской культуры,

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 134.

⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 158.

остро реагировали на расхождение российской действительности с этими ценностями и общепринятыми цивилизационными нормами. Ни один из иностранных недоброжелателей не сказал о России таких беспощадных слов, как лучшие из ее сыновей. Но они обвиняли по праву любви и боли и не принимали согласия без сочувствия. Так рождался тот специфический комплекс переживаний, который сформулировал Пушкин: «Я конечно презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство»⁹.

Допустимо говорить и о присущей европейцам некоей абсолютизации ценностей политических институтов. В глазах Европы русское общество, отвергнув призыв поляков вместе восстать против царского правительства, расписалось тем самым в своей поддержке самодержавия, крепостничества и реакционных политических взглядов вообще. При этом не учитывалось, что русское общество находилось в принципе в иных отношениях со своим правительством, чем, скажем, французское. Последнее, пережив за четыре десятилетия смену нескольких политических режимов и получив уже некоторый опыт самоуправления через выборные органы власти и свободную печать, обладало известной автономией и самостоятельностью. Русское общество подобного опыта не имело вовсе и отличалось к тому же крайне низким уровнем политического и гражданского самосознания, о чем не раз с возмущением писал Пушкин¹⁰. В этих условиях формы государственного устройства, сколь бы несовершенны они ни были, представляли единственно возможными формами организации общества, а правительство — единственным выразителем национальных интересов. Но это положение вещей ставило русских перед мучительным и противостественным выбором между патриотическими чувствами и политическими убеждениями. В этой ситуации легко было поддаться искушению сделать объектом национальной гордости военную мощь России и обширность ее территорий, а также противопоставить более свободным и независимым, а следовательно, более индивидуалистичным и эгоистичным европейцам единство и сплоченность. С другой стороны, возникала опасность соскользнуть на позицию принципиального неприятия своей государственности. Это противоречие в неявной форме определяло и отношение к польскому восстанию. В черновом наброске «Ты просвещением свой разум осветил...», обращаясь к неизвестному, который «руки потирал от наших неудач», Пушкин горько и зло упрекает его в том, что он «нежно чуждые народы возлюбил / И мудро свой возненавидел». Мы не знаем, кого именно имел здесь в виду Пушкин, но по воспоминаниям Герцена можем судить о том, как относились к польским событиям в его кругу: «Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили успехам поляков, и я тотчас прибавил в свой иконостас портрет Фаддея Костюшки»¹¹. Юный Герцен и его друзья, конечно, не ненавидели свой народ, но решительно отделили его судьбу от судьбы государства, которое ненавидели в самом деле. Можно сказать, что это был шаг вперед в развитии русского общественного сознания, только вот дорога оказалась опасной...

В определенных кругах были возмущены стихотворениями Пушкина о польском восстании уже по одному тому, что они прозвучали открытой и демонстративной поддержкой правительству. К тому же было известно, что Пушкин сам читал их Николаю I и его семье в Царском Селе, что брошюра «На взятие Варшавы» была напечатана с невиданной быстротой в военной типографии по личному распоряжению царя. Наконец, стихотворения Пушкина были восторженно встречены в официальной прессе. Даже Вяземский, хотя и не верил в «царедворческие побуждения» своих друзей, назвал их стихи шинельными, намекая на стихотворцев, которые ходят по домам с поздравительными одами. Позже в своем знаменитом письме Голю Белинский с удовлетворением отмечал, что стоило Пушкину написать «два — три верноподданнических стихотворения», как он тут же лишился «народной любви»¹².

⁹ П у ш к и н А. С. Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 280.

¹⁰ Во время польских событий Пушкина выводило из себя полное отсутствие интереса к ним большей части общества. Например, в письме к Е. М. Хитрову 26 марта 1831 года: «Москва — город ничтожества. На ее заставе написано: оставьте всякое разумение, о вы, входящие сюда. <...> Вот уже около двух недель, как мы ничего не знаем о Польше, — и никто не проявляет тревоги и нетерпения!» (Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 157, 425).

¹¹ Г е р ц е н А. И. Собрание сочинений в 30-ти тт. М. 1956, т. VIII, стр. 134.

¹² Б е л и н с к и й В. Г. Полное собрание сочинений. М. 1956, т. X, стр. 217.

В действительности Пушкин никогда не отличался верноподданническим поведением. Проблема была в разном понимании того, в чем должна проявляться независимость поэта и гражданина. Если демократически настроенная часть русского общества все больше склонялась к отождествлению независимости и оппозиционности, то Пушкин понимал независимость как возможность свободно высказывать свое мнение, не заботясь о том, совпадает оно с позицией властей или нет. Неприятие того типа поведения, на котором настаивал Пушкин, дорого стоило русской интеллигенции, и в этом смысле тогда, осенью 1831 года, Пушкин был прав, а обвинения в его адрес несправедливы. Но приходится считаться и с тем, что контекст конкретной ситуации может сообщать поступкам то значение, которое сам человек им не придает. Пушкин никогда не жалел о том, что опубликовал эти стихотворения, но вряд ли ему доставила удовольствие горячая поддержка Надеждина и Уварова, союзником которых он неожиданно предстал в глазах публики.

Особого внимания заслуживает позиция Вяземского. Он, собственно, был согласен с тем, что польское восстание необходимо подавить, только роль России в этом конфликте не вызвала у него решительно никаких восторгов. Но Вяземский предьявляет Пушкину и Жуковскому претензии нравственного и эстетического характера: «Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии. <...> Мало ли что политика может, и должна делать? Ей нужны палаши, но разве вы будете их петь»¹³. Приблизительно на тех же позициях стоял и Ал. Тургенев: «Я бы спросил его (Жуковского. — *О. М.*), что бы он подумал о себе, если бы энтузиазм его к героизму кровопролития был личным свидетелем того, чего стоит нам и им это героизм? Я делаюсь врагом Поэзии, когда она не святое дело, не человечество защищает и превозносит»¹⁴. Интересно, что и сам Пушкин прекрасно видел резкое несоответствие эстетического и прагматического взглядов на польские события. В письме Вяземскому 1 июня 1831 года он писал: «Ты читал известие о последнем сражении 14 мая. Не знаю, почему не упомянуто в нем некоторые подробности, которые знаю из частных писем и кажется от верных людей: Кржнецкий находился в этом сражении. Офицеры наши видели, как он прискакал на своей белой лошади, пересел на другую бурую и стал командовать — видели, как он, раненный в плечо, уронил палаши и сам свалился с лошади, как вся его свита кинулась к нему, и посадила опять его на лошадь. Тогда он закричал «Еще Польша не стигнула», и свита его начала вторить, но в ту самую минуту другая пуля убила в толпе польского майора, и песни прервались. Все это хорошо в поэтическом отношении. Но все-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна»¹⁵.

Удивительно, но в данном случае Пушкин вдохновляется не тем, что «хорошо в поэтическом отношении», а тем, что «правильно» в отношении политическом. Вяземский не находил этому оправданий. Ал. Тургенев пытался объяснить: «Он только варвар в отношении к П[ольше]. Как поэт, думая, что без патриотизма, как он его понимает, нельзя быть поэтом, и для поэзии не хочет выходить из своего варварства»¹⁶. Иначе говоря, поэт не может не быть патриотом, даже если патриотизм его народа носит варварский (нецивилизованный) характер. Возможно, Тургенев здесь близок к истине. В том же письме Вяземскому Пушкин заметил: «...мы не можем судить ее (распри с Польшей. — *О. М.*) по впечатлениям европейским, каков бы ни был впрочем наш образ мыслей». Странное безразличие к индивидуальному образу мыслей («каков бы ни был») и убеждение, что «мы» (в данном контексте — мы, русские) должны судить эти события по каким-то единым для всех нас критериям, это тоже, в сущности, проявление «патриотизма» с точки зрения Пушкина «мы «варварства» с точки зрения Тургенева.

Стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» продолжают традицию русской государственно-патриотической поэзии, развивающей тему «Россия и Запад». Основная схема поэтического воплощения этой темы найдена уже Ломоносовым: риторические вопросы и обращения к воображаемому оппоненту, варьирование тезисов о пространственном величии России, ее военной мощи и ее миролюбии; поэтическая формула протяженности России «от — до» («...от финских хладных скал до пламенной Колхиды») — «географические фанфаронады наши», по

¹³ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 155, 157.

¹⁴ Истрин В. М., «Из документов архива братьев Тургеневых», стр. 18.

¹⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 169.

¹⁶ Истрин В. М., «Из документов архива братьев Тургеневых», стр. 18.

ядовитому замечанию Вяземского. Здесь мы имеем дело с некими поэтическими символами русской государственности, обретающей в них вневременной, внеполитический смысл. Прибегая к этим поэтическим символам, Пушкин тем самым и утверждает тот общий национальный, государственный взгляд на события, который он противопоставляет любому частному «образу мыслей». Видимо, так и воспринял стихотворение Пушкина Баратынский, полагая, что в нем «указана настоящая точка, с которой должно смотреть на нашу войну с Польшей»¹⁷.

Попытка же интерпретировать эту поэтическую модель применительно к конкретным политическим обстоятельствам придает пушкинским стихотворениям почти пародийный смысл. Такой угол зрения представлен в известных замечаниях Вяземского: «„Вы грозны на словах, попробуйте на деле“. А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да где-то! <...> Смешно, когда Пушкин хвастается, что *мы не сождем Варшавы их*. И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее. Вы так уже сбились с пахвей в своем патриотическом восторге, что не знаете, на чем решится, то у вас Варшава, неприятельский город, то наш посад»¹⁸.

Можно было бы упрекнуть Вяземского в том, что он не учитывает особенностей жанра и поэтического замысла, но такой подход был в известной мере спровоцирован своеобразной поэтикой стихотворений, где высокий торжественный пафос сочетается с запальчивой интонацией спора, а отвлеченные декларации — с конкретными полемическими выпадами. К тому же стихотворения прозвучали в совершенно определенной общественно-политической ситуации. В ее контексте упоминание в одном ряду со взятием Варшавы битвы под Бородином казалось «святотатством»; противопоставление «кичливый лях иль верный росс», основанное на расхожих в то время оценочных определениях национального характера, получило оскорбительный смысл, а традиционные одические обороты: «Россия! встань и возышайся! / Греми, восторгов общий глас!..» — принимали высокомерный и вызывающий оттенок. Таким образом, тот перекрестный огонь пристрастных оценок, под который попали пушкинские стихотворения, был неизбежен и вполне прогнозируем. Но трудно было предвидеть в 1831 году, что политическая жизнь этих стихотворений окажется столь долгой...

Распутренная нами общественная ситуация, неотъемлемой частью которой стали пушкинские стихотворения, и по сути дебатированных проблем, и по характеру конфликтов и противоречий принадлежит к «вечным сюжетам» российской истории. Поэтому и отношение к этим стихотворениям на протяжении ста шестидесяти лет неизменно окрашено в черно-белые тона политических пристрастий. Разумеется, никому не заказано исповедовать те или иные взгляды на государственные интересы России или гражданский долг писателя. Но не думаю, чтобы было в принципе возможно установить объективные критерии для однозначной оценки позиции Пушкина в польском вопросе. Тем более что стремление дать такую оценку неизбежно поставит нас перед вопросами вовсе нелепыми: кто был мудрее и честнее — Пушкин или Мицкевич? Жуковский или Вяземский? Чаадаев или Лафайет?

Много лет спустя Лев Толстой в дневниковой записи от 31 декабря 1904 года с точностью и бесстрашием аналитика зафиксировал свое душевное состояние: «Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм»¹⁹. «Мне больно» — мог бы сказать любой из названных и неназванных здесь людей, и эта боль становилась едва ли не самым сильным и совершенно неопровержимым аргументом в их спорах. Но ни в коем случае это не дает оснований для благодушно-банальных сентенций типа «все по-своему правы». Своя боль и своя правда у каждого участника конфликта — это и есть самый страшный детонатор взрыва. Ведь истинно трагическая коллизия возникает там, где сталкиваются не добро и зло, а разные представления о добре и зле. И тогда вскипают, перемешиваясь, любовь и ненависть, жестокость и самопожертвование, и этот хмельной состав дурманит самые светлые умы и самые благородные души. А потом... «...тяжко будет им похмелье», — предрекал Пушкин. Оно будет тяжело. Всем.

Общественно-политический конфликт, сложившийся вокруг польского восстания, имел все признаки такого рода трагической коллизии. Выступив в печати со стихотворениями «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», Пушкин ока-

¹⁷ «Татевский сборник С. А. Рачинского». СПб. 1899, стр. 21.

¹⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 158, 159.

¹⁹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М. 1937, т. 55, стр. 111.

зался замешан в этот конфликт самым непосредственным образом. Не станем утверждать, что его позиция была безупречна, но и не сумеем указать на образец подобной безупречности. Обратим внимание на другое: в результате всех этих событий Пушкин не поссорился с Вяземским, Ал. Тургенев не порвал отношения с Жуковским. Их взаимное уважение и дружеская привязанность оказались сильнее идейных и политических разногласий. Пока еще сильнее... Но, всматриваясь в драматическую ситуацию 1830 — 1831 годов, мы видим, как уже явственно наметилась трещина, что со временем, углубляясь и расширяясь, пройдет через русское общество, безжалостно разрывая сословные, дружеские и семейные связи. И разделенные на враждебные лагеря соотечественники от поколения к поколению будут накапливать ожесточение и нетерпимость до тех пор, пока наконец не бросятся друг на друга с оружием в руках.

Сегодня, «жестоких опытов собирая поздний плод»²⁰, мы вновь ищем ответы на мучившие их вопросы. Может быть, исторические сюжеты потому и становятся вечными, что каждое поколение оказывается не в состоянии распутать доставшийся ему в наследство узел противоречий и перекладывает на плечи потомков этот все более тяжкий и взрывоопасный груз. Поэтому те же, в сущности, проблемы, что заявили о себе с такой остротой во время польского восстания 1830 — 1831 годов, и на исходе XX века продолжают терзать русское общество, и все длится «вражды бессмысленной позор...»²¹.

Тем большего внимания заслуживает каждая попытка найти достойную линию поведения в тягостных и опасных конфликтах, непрерывно сотрясающих русское общество. О взлетах и падениях, подстерегающих на этом пути любого, свидетельствует лишний раз история стихотворений Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

Санкт-Петербург.

²⁰ Пушкин А., «К вельможе» (1830).

²¹ Хомяков А. С., «Ода (На польский мятеж)» (1830).

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 6(830)

Июль, 1994 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР», АКЦИОНЕРНОЕ
ОБЩЕСТВО «ФИНАНСОВАЯ КОРПОРАЦИЯ „АРМАН”»,
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ОТКРЫТОГО ТИПА
«БИОТЕХНОЛОГИЯ», АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«БАНК „САНКТ-ПЕТЕРБУРГ”»

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ РЕЙН — Сажок. Из книги итальянских стихов	3
ВАЛЕРИЙ ПИСКУНОВ — Свои козыри. Записки наемника	15
ЕВГ. ХРАМОВ — Рисунок пером, стихи	54
ИНГА ПЕТКЕВИЧ — Свободное падение. Главы из книги	56
МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ — Ходил пароход, стихи	98
АНДРЕЙ СЕРГЕЕВ — Изгнание бесов, рассказы	100

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ — Нельзя уйти от самих себя... Историческое само- сознание и культура России	113
---	-----

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Б. ЕКИМОВ — В дороге. Продолжение	121
-----------------------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА — Демократия и свобода	149
--------------------------------------	-----

ОТКЛИКИ И КОММЕНТАРИИ

А. В. — «Соцреализм — культура мутагенная...». Новое исследование тоталитарной культуры	166
АНДРЕЙ НОВИКОВ — Фашизм как форма некрофилии	168

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

НЕИЗВЕСТНЫЙ МЕНДЕЛЕЕВ. Публикация и предисловие И. Мо- чалова	175
ОЛЬГА МУРАВЬЕВА — «Вражды бессмысленной позор...». Ода «Кле- ветникам России» в оценках современников	198

(См. на обороте)